

В. Кулаков

ЖИВЕТ, НЕ УНЫВАЯ, АРЕНА ЦИРКОВАЯ

61+

ОЗОРНЫЕ РАССКАЗЫ

Владимир Александрович Кулаков Живет, не унывая, арена цирковая. Озорные рассказы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33812561

*Живёт, не унывая, арена цирковая. Озорные рассказы / В. А. Кулаков:
Горизонт; Москва; 2018*

Аннотация

Перед вами – новая книга Владимира Кулакова. Во многом неожиданная даже для самого автора. После его предыдущих произведений, полных лирического мелодраматизма: «Девочка с Золотым билетиком», «Сердце в опилках», «Последняя лошадь» и других, – он вдруг обратился к очень сложному жанру, короткому юмористическому рассказу. Вышедшее из-под его пера в этот раз сродни байкам, анекдотам. Мы слышали много историй театральных, а вот цирк для нас оставался в этом смысле загадкой. Нет, кто-то что-то рассказывал, но чтобы вот так полно впервые. Прочтя книгу, вы начнёте понимать, что цирковые – люди хоть и необычные, но такие же живые, как и мы все. Некоторые вещи написаны на грани фола. Но слов, как говорится, из песни не выбросишь – что было, то было! Это рискованный эксперимент автора. Примите его книгу такой, какая она есть. Рассказы-то озорные! В добрый час...

Содержание

От автора	4
Дебют	7
Юбилей	12
П. и Поклад	16
Дежурный	19
Директора	23
Волшебная сосулька	25
Иллюзионисты	29
Спартак	31
Три буквы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Владимир Кулаков
Живёт, не унывая,
арена цирковая.
Озорные рассказы**

*Выражаю признательность сыну Александру
за его оригинальные профессиональные советы,
которые нашли отражение в данной книге.*

От автора

*Живёт, не унывая, арена цирковая,
Арена боевая – веселья островок,
Арена-озорница, большой земли частица.
Тринадцать метров – вдоль и поперёк.*

Это слова припева из песни, которую написали поэт Виктор Суслов и композитор Яков Дубравин, а я исполнял в цирковом спектакле «Мастера тринадцати». Естественно, пел живую, иначе какой бы это был цирк – у нас тут всё взаправду, по-настоящему, исключительно «здесь» и сейчас», сегодня и ежедневно...

Приближаясь к концу своего пути, люди обычно пишут мемуары. Мне это неинтересно. Вам, скорее всего, тоже. Ну, «жил, работал и от этого умер». Или: «жил, не работал-и от этого умер!..» Не моя шутка, увы! Прошёлся когда-то по нашему «шарику», пробежался по нему и взлетел Великий острослов-весельчак Михаил Светлов. Да, да, тот самый, – поэт! Его это...

Раньше я писал лирические новеллы, рассказы, повести. Сочинил даже роман о цирке «Последняя лошадь». Всё написанное – немного грустное. Правда, там есть немало смешного. Всё, как в жизни, вперемешку. А уж как это перемешано в жизни цирковых, вам и не приснится!..

Да, я цирковой! Или артист цирка – как угодно! Люблю юмор, хохмы, розыгрыши и таких же весёлых людей. Сколько всего было за мою цирковую жизнь забавного, неожиданно комического! А сколько весёлых, озорных историй про-

изошло в жизни моих коллег! Как тут не поделиться с вами!..

Было нелегко. Меня раздирал конфликт с самим собой. Ну, какая это литература – так, анекдотец, байки... Всё какое-то суетное! Много раз порывался уничтожить, что уже написал. Потом решил – почему бы и нет? Ведь это тоже одна из сокрытых граней Величайшего из искусств, имя которому – ЦИРК.

Может, меня кто-то осудит. Кто-то несерьёзный, как я, посмеётся. Я иду на этот риск...

Как говорил один великий драматург XX столетия: **«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь! Серьёзное выражение лица – ещё не признак ума. Помните, что самые большие глупости на Земле делаются именно с этим выражением лица...»**

*С Великим ко всем Уважением,
Владимир Кулаков*

Дебют

«Актёры, сэр... Что от них можно ждать хорошего? Импровизация. Каждый в душе – Гамлет!»

Григорий Горин «Дом, который построил Свифт»

Дебюты на манеже бывали разными: удачными, провальными, незаметными. Но такого, о котором я вам хочу поведать, никто из цирковых старожилов припомнить не мог! Это был... мой дебют!

...Конец семидесятых. Новосибирск. Мы с женой Любой, недавние выпускники циркового училища, необстрелянные, ещё не нюхавшие настоящих цирковых опилок, приехали в свой первый в жизни гастрольный город. Распаковались. По-репетировали с оркестром, с униформой, выставили свет – всё как положено. Осталось пережить премьеру и одновременно дебют, чтобы начать считать себя профессионалами...

Наш номер «Музыкальные танц-акробат-жонглёры» был оформлен в русском стиле. На мне а-ля косоворотка, в руках небольшой баян, на Любе сарафанчик-мини. Молоденькие, красивые, сексуальные. На это и делался расчёт. Жонглирование и прочее было второстепенным. В номере танцы, акробатика. Я по ходу сюжета леплю сальто-мортале, жена разные перевороты, фляки. Весело, темпераментно! Всё это под музыку «Ах вы, сени, мои сени» и ещё что-то там рус-

ское, фольклорное. По нашей просьбе композитор своё произведение обработал так, что явно слышатся вражеские «буги-вуги». Мы люди современные – нам нравится! А на дворе, напомним – семидесятые...

Теперь о главном. Люба жонглировала так себе, прыгала чуть лучше. В стрессовых ситуациях она теряла голову, и никто не знал, что она выкинет в ту или иную минуту, в том числе и она сама. У неё было другое несомненное достоинство – это грудь! Сама невысокого роста, осиная талия, черноволосая, со смазливой мордашкой, ножки-ручки и... выдающаяся грудь третьего размера, намекающая на четвёртый. Она ею гордилась, выставляла напоказ, как могла...

Перед премьерой в Новосибирске Люба вдруг решила усовершенствовать свой сарафанчик. Она вырезала декольте чуть ли не до колен. Я увидел – ахнул! Любаня затянула свой сарафан так, что грудь двумя аппетитными шарами оказалась где-то под подбородком. Думаю, она представляла себе так: на манеж сначала выходит грудь, потом – всё остальное...

– Как ты будешь прыгать? – спрашиваю. – Вывалится ведь всё!

– Не вывалится! Всё продумано!

– Ты попробовала, попрыгала?

– Да!

– Точно?

– Да!

– Точно-точно?

– Слушай, не морочь мне голову, говорю тебе, да!

– Ну-ну...

Люба любила лукавить, а попросту говоря – врать по поводу и без! Вот такой она была человек. Потом всегда улыбалась и пожимала плечами – зачем, мол, лгала, и сама не знаю...

Премьера. Я иду в центральный проход, откуда через мгновение появлюсь с баяном в начале номера. Люба за кулисами, она выйдет оттуда в нужное время. В боковых проходах цирка толпятся артисты программы – интересно посмотреть на новичков-дебютантов, тем более на этакую красавицу. В зале аншлаг! В ложе пресса! Новосибирск – не хухры-мухры!

Господи, благослови!..

Оркестр даёт вступление. Мой выход! Играю кадриль, пританцовываю. Появляется Люба. Зрители: «О-о-о!..» Аплодисменты. У меня сердце радостно забило – ещё ничего не сделали, а уже успех! Чуть успокоился, включаю темперамент, мастерство актёра, улыбаюсь. Танцуем. Среди характерных русских движений, исполняем пару стилизованных, напоминающих «буги». Дарю партнёрше букеты цветов, где заряжены булавы, начинаем жонглировать. Снова аплодисменты. Радуюсь – хорошо идём!..

Мой сольный жонглёрский кусок. Я в центре манежа. В этот момент сзади Люба должна сделать свой первый пры-

жок через спину, то бишь флик-фляк. Слышу-рёв!.. Ну, думаю – класс! Это триумф! Фигачу булавы-букеты под ногами, за спиной, вверх-вниз! Длинные мои волосы туда-сюда – экстаз!..

Слышу, экстаз и в зале. Понимаю – что-то не так! Оборачиваюсь. Моя Люба с перекошенным лицом пытается впихнуть свою грудь назад в декольте. Никак! Одна впихивается, другая выскакивает назад. И так раз за разом! Главное, что она это делает в открытую на зал. Ну, отвернись хотя бы!..

Я к ней лечу задом, раскинув руки во всю русскую ширь, сучу ножками – «верёвочку» вытанцовываю, номер работаю... Приближаюсь вплотную, улыбаюсь зрителям что есть мочи, сам сквозь зубы, перекрикивая оркестр, ору:

– Давай за кулисы, мать твою!..

Она мне, продолжая свою борьбу:

– Не влазит!

– За кулисы давай!

– Да подожди ты! Видишь, не влазит, говорю!..

Кое-как удалось укротить её могучую плоть. Грудь с грехом пополам втиснулась в декольте. В зале аплодисменты – она это сделала!..

Работаем дальше, кричу:

– Больше не прыгай! Я один!..

– Угу!..

У неё по сценарию следующим передний переворот, у меня арабское. Я кручу боковое сальто, слышу громогласное:

«Ва-а-а!!!...». Взрыв хохота-купол рушится!

Оборачиваюсь-так и есть – неукротимая грудь моей жены снова на свободе! Она её опять давай втискивать в сарафан...

В боковых проходах артисты, сползая на пол, царапают ногтями стенки. В зале ряды зрителей качаются волнами, как спелая рожь...

Через какое-то время – победа! Она это снова сделала! Буря аплодисментов!..

Идём на финальный трюк, прощальный, так сказать, комплимент. У нас ещё остаётся пара прыжков. Ору:

– Не прыга-ай!..

– Угу!..

Снова её отрепетированный прыжок... В зале: «Аа-а-а!...».

Она – грудь в охапку и за кулисы. Я, прикрывая тылы, «верёвочкой», задом, задом...

...На следующий день в местной газете вышла статья, где журналист толково, со знанием дела разобрал новую программу. Особое внимание он уделил номеру, где дама боролась с грудью. Там победила грудь... Припомнил он нам и наши «буги-вуги»...

Разгромная, первая в жизни рецензия на нас называлась: «Западноевропейские Петрушки со стриптизом...»

Юбилей

Произошло это в одном из провинциальных цирков. В этом городе праздновал свой юбилей крупнейший в стране металлургический комбинат. Цирк не мог остаться в стороне. Приезжий режиссёр поставил парад-пролог с артистами программы, которые должны были выходить со знамёнами республик, что олицетворяло нерушимое братство всех народов Советского Союза и такой же вечный союз искусства и труда. Перед парадом предстояло прочесть трудно запоминающиеся стихи о славном прошлом и настоящем этого комбината, о его могучести и нужности, а также о руководящей роли партии в деле варки стали и чугуна.

В самый последний момент человек, который должен был эти стихи читать, слёг с жесточайшей ангиной. Что делать? Директор цирка в панике рвёт остатки волос на и так не очень курчавой голове. Через несколько часов в зале будут высокие гости из Москвы, из обкома партии и прочих заоблачных структур.

Позвонили в местный драмтеатр – пусто, лето, все на гастролях. На радио – там все в отказку! Бросили клич по программе. Вышел парторг. Человек серьёзный, не улыбочивый, руководитель крупного номера акробатов. «Я прочту!». Как говорится – коммунисты, вперёд!..

Директор чуть ли не в ноги спасителю: «Голубчик ты мой!

Родненький! За мной не станет!..».

До представления – рукой подать. Уже дают звонки. Загримированные артисты толпятся за кулисами, разбирают знамёна. Переполненный зрительный зал гудит. Директорская ложа полна чёрных пиджаков с белыми рубашками. Директор во всём белом и с таким же лицом мечется из ложи за кулисы и назад:

– Всё готово? Не подведите, родимые!..

К парторгу:

– Ну, как?

Тот поднимает большой палец...

Дают третий звонок. Директор, как человек с большим партийным стажем, благословляет всех широким крестом и плюёт через левое плечо, стараясь не задеть белоснежный праздничный пиджак. Бежит в ложу к гостям...

Наш парторг, заметно волнуясь, до последнего ходит, зубрит по бумажке неудобоваримые стихи о комбинате. Всё, пора начинать! Кивает: «Поехали!».

Гаснет свет, неоновые пушки светят на форганг, увертюра в оркестре. Последние аккорды. Распахивается занавес, откуда появляется наш чтец. В самую последнюю секунду перед выходом он успевает отдать униформисту клочок бумажки со стихами.

Парторг бодро доходит до края манежа. Раздаются аплодисменты, он кланяется, ему подают микрофон. Пушки своим мощным светом бьют по глазам, ничего не видно – чер-

нота! Волнение! Сердце стучит где-то под кадыком! Парторг открывает рот и... понимает, что он не помнит ни строчки из того, что столько времени учил. Пауза. Он что-то тихо бормочет... Потом включает на полную мощь двигательный аппарат-акробат всё же! То отводит руку в сторону, то воздевает её к куполу, видимо, призывая всех богов к моральной и материальной помощи, то прикладывает руку к груди, с жалостливой улыбкой пытаюсь убедить зрителей, как строгого учителя, мол, честно – учил!..

Попереминался, почесал ногу, заулыбался, снова стал серьёзным. Выдохнул, скукожился, снова гордо выпрямился...

В зрительном зале нарастающий смех – здорово придумано! Смешно! И играет-то как убедительно!..

Парторг в панике оборачивается к униформисту и старается незаметно, кистью руки, привлечь его внимание. Униформист плечами, мол, не понимаю! Тот опять кистью, мол, хрен тут непонятного, бумажку со стихами тащи! Униформист снова плечами вверх... В зале уже гомерический хохот!

Наш незадачливый чтец всматривается в зал, приставив руку ко лбу, видит: в ложе чёрные пиджаки согнулись по полам. А директор, тот, что в белом, приподнялся, закрыл голову руками и медленно осел... Парторг понял, что пауза неприлично затянулась, надо что-то предпринимать. Он срывающимся голосом вдруг заорал в микрофон:

– От артистов программы вам – коммунистический привет!!!

Распахнулся занавес, и оттуда с шатающимися знамёнами, на полусогнутых ногах, рыдая от смеха, вышли участники юбилейного парада...

П. и Поклад

Случилось это во Львовском цирке. Работала там шикарная программа. Особенно выделялась среди всех легендарная воздушная гимнастка Любовь П. Фамилию называть не стану, она теперь хоть и живёт за океаном, но может обидеться. Человек в цирковом мире всеми уважаемый...

Артистка, как говорится, от Бога! Но требовательная, перфекционистка до тошноты! Каждый день что-то не так. То униформисты опоздали поднять её в воздух и она не попала в музыку, то свет был не тот, то одно, то другое... Разгон всем по полной. Шумно, нервно, частенько матерно. Выплёскивает свои эмоции Люба за кулисами, кроет всех подряд, невзирая на успех у зрителей. Под горячую руку лучше не попадайся! Программу штормит...

Хозяином закулисья тогда во Львове был Павел Поклад. Высокий, импозантный, вальяжный-настоящий инспектор манежа. Ежедневно Паша с непроницаемым лицом выслушивал крики П., которая жаждала крови и скальпов всех служб цирка. С каждым днём градус кипения рос...

В очередной раз после своего выступления П. разъярённой тигрицей подлетела к Покладу с требованием отдать ей на съедение художника по свету, который теперь раньше времени дал команду включить пушки. Паша неторопливо повёл Любу к инспекторской, что недалеко от выхода на манеж.

Остановился напротив полузакрашенного щита на стене с какими-то негорящими лампочками и центральной красной кнопкой. Говорит:

– Это связь со всеми службами цирка сразу. Жмите на кнопку, не отпускайте её, пока говорите. Они вас все слышат, но ответить не смогут. Дырочки, видите, есть, но динамик не работает. Связь односторонняя...

С этого дня Люба П. в отдалении ежедневно громко материла стенку, поливая все службы разнокалиберными эпитетами.

Доклад ходил, загадочно улыбаясь. Артисты тихо посмеивались, поглядывая на эти монологи у «стены плача».

Всё бы так и продолжалось, если бы однажды за кулисами не появился директор цирка Зильберг Леонид Борисович. Он, интеллигентнейший дядька, был несказанно удивлён, увидев, как выдающаяся во всех смыслах артистка в сердцах вопит, пинает стену, упирается в неё одной рукой и размахивает другой, готовая пробить её кулаком.

– Что вы делаете? – как можно спокойней поинтересовался Леонид Борисович.

– Воспитываю ваших недоумков! Каждый день лажают мою работу, – сверкая очами, огрызнулась П, – Вот скажите им, скажите! Они, может, хоть вас послушают!

Зильберг помолчал, попереминался с ноги на ногу – говорить, не говорить?

– Я им позже позвоню...

– А сейчас что, слабо? Вот же кнопка! – Люба сняла с селектора палец, который уже посинел от напряжения.

Зильберг потупил взор:

– Сейчас не смогу... Этот пульт у нас не работает уже лет десять, связь по телефону-из инспекторской...

Больше криков за кулисами никто не слышал. До конца гастролей Любовь П. с Покладом не разговаривала...

Дежурный

Дело было в Одессе в годах эдак восьмидесятых. Приехали мы на гастроли, распаковались. Готовимся, волнуемся, суемтся. Бегаем из цирка в гостиницу, по делам в город и снова в цирк. Всё как всегда. На служебном входе стоит вахтёр, из новеньких. Бывший военный. Этакий унтер Пришибеев. Знает два слова: «Не положено!». Сколько раз мимо него пройдёшь, столько раз требует пропуск – хоть на секунду вышел. Достал всех! Бывает, забудешь пропуск, а он в цирк не «пускает». «Не положено!..». Подобного ни в одном городе не было! Обычно везде за короткий срок вахта всех знает в лицо, здоровается, улыбается, естественно, пропускает в цирк. А тут!..

Терпели, сколько могли. Последней каплей стало, когда наш вахтёр не пустил одного акробата, который перед работой выскочил в магазин, и надо же тебе – без пропуска! Началось представление. Премьера! Акробат орёт, кроет, на чём свет стоит, вахтёра, мол, номер срываешь, мне на манеж нужно через десять минут, пусти, идиот! В ответ пуленепробиваемое: «Не положено!..». Акробат прёт буром, хватает в сердцах того за грудки! Ан, нет не тут-то было! Мужик здоровый, послуживший прапорщиком во внутренних войсках, а потом на таможене-мытне. Повидал всякого! Стоит как скала, как граница, которая всегда на замке – не проскочишь!

Шум, скандал! Наш акробат на свой выход опоздал. Ну, ребята стали думать, что делать...

Одесский цирк – старинный, весь деревянный, пожароопасный. Как нигде, расширенный штат отвечающих за пожарную безопасность. Курить только в строго отведённом месте и ни Боже мой где-нибудь в другом! Штрафовали, не глядя на звания, чины и вероисповедание.

Командовал всей этой пожарной братией акробат в прошлом, а ныне человек в погонах Витя Чёрный. Коренной одессит. Юморист. Строгий на работе и душа-человек в остальное время. К тому же до кончика брандспойта цирковой, хоть и с офицерскими звёздочками. Мы ему, мол, так и так, Витя, достал твой бывший вертухай! А тот подчиняется как раз пожарно-сторожевой службе, которой Чёрный заведовал.

Идёт однажды главнокомандующий пожарными цирка через вахту, а на посту наш герой. Вскაკивает, докладывает:

– Утоварищч старший лэйтенант! За вре́мя вашего отсутствия никаких происшествий нэ произошло!..

Произношение у него было странное – этакая помесь русско-украинского суржика с рязанским прононсом. Ну, помогало мужика в своё время по необъятной нашей стране...

Витя берёт под козырёк:

– Добро!..

Потом хмурит брови:

– Непорядок!.. А где повязка дежурного? Откуда люди

знают, что вы из пожарно-сторожевой службы?

Вахтёр в растерянности, мол, виноват!..

Витя достаёт припасённую на этот случай красную повязку, кусочек мела и говорит:

– Напишите на повязке: «Пожарная Охрана Цирка».

Бывший таможенник мнёт мел в руках, прикидывает и так, и сяк.

– Утоварищч лэйтенант! Так ведь не уместится! Щё ро-
быть?

Витя в ответ:

– А вы аббревиатурой.

– А шо це таке бриватура?

– Первые буквы слов – сокращение. Так уместится...

...В Одесском цирке оживление – народ перешёптывается, хихикает, комментирует-каламбурит. Все, кто проходит через вахту, на грозное требование: «Пропуск!» останавливаются, показывают бумажку. Вахтёр в это время специально выставляет напоказ свою повязку, где жирными буквами белым по красному выведено: «ПОЦ»...

День близился к вечернему представлению. Все от души нахохотались. Поздравляют Витю Чёрного. Тот ходит гоголем, строгий, но улыбочивый...

Всё так бы и шло. Тут тебе директор цирка идёт через вахту. Тоже коренной одессит. Наш-то вахтёр из приезжих, одесский эпос не ведает...

– Утоварищч директор! За время вашего отсутствия... –

и повязку вперёд шасть!

У «утоварищча директора» – глаза на лоб и улыбка в уши!

– Что это у вас? – вопрошает.

– Бриватура! Пожарная Охрана Цирка – сокращённо.

Через минуту глаза полезли на лоб уже у вахтёра, когда директор перевёл с одесского на русский его «бриватуру».

Вечером, после представления, все идут, ржут, проходя мимо вахты. Бывший таможенник, он же в прошлом охранник тюрем и зон, демонстративно стоит ко всем спиной. Граница открыта, проходи – не хочу!..

Тут Чёрный по окончании смены домой засобирался. Проходит вахту:

– Почему нет доклада?

Вахтёр, обиженно сопя:

– Эх, утоварищч старший лэйтенант! Я к Вам со всей душой, а Вы меня при всех дежурным х. ем выставили! Бривату-ура! Э-эх-х!

Директора

В футболе, политике, экономике, культуре, как известно, разбираются все, особенно с последней никогда не церемонились. Проштрафившихся представителей так называемой номенклатуры, если что, бросали именно на культуру.

Цирковому искусству какое-то время везло особенно. Руководителями цирков кого только не назначали! В Иркутске, например, директором стал бывший начальник тюрьмы. Тот с собой принёс весь флёр прошлой службы-жизни. Если к нему кто-то стучался в кабинет, тот сердито командовал: «Введите!». Если кто-то из подчинённых или, того хуже, приезжих артистов заходил в его кабинет по своим делам, тот на повышенных тонах сразу ставил вошедшего на место: «Как стоишь? Руки за спину, в глаза смотреть!..». При поселении давал распоряжение директору цирковой гостиницы: «Этого в такую-то камеру...» Продержался он в цирке около года...

Бывший директор банно-прачечного комбината, которого назначили на руководство цирком, прислал в Союзгосцирк телеграмму: «В связи с окончанием прежней программы прошу срочно выслать свежий комплект артистов!..». Этот прокомандовал пару лет, потом перевели...

Однажды в одном из городов сгорел старый деревянный цирк. Случилась трагедия – сгорели животные и погиб че-

ловек. Тут же вслед за ним сгорел в другом городе ещё один цирк старой конструкции. Там всё, слава богу, обошлось. Новоназначенный директор очередного сгоревшего цирка из числа бывших военных радостно телеграфирует в Москву, сократив текст до минимума: «Цирк сгорел. Всё в порядке!...».

Ещё один бывший военный, назначенный директором цирка, превзошёл всех. Проработав менее месяца, вызвал к себе на ковёр артистов программы. Среди них заслуженные, пару народных. Стал отчитывать, как мальчишек.

– Вы как ходите по арене! Анархия! Кто во что горазд! Ни шага, ни выправки! Это что за руки! – он показывает, как артисты цирка поднимают руки в комплименте на поклоне. – Это что такое? Кисть должна быть вот так, и ближе к голове, если есть убор! Вы что, не служили никогда? И потом, я почти месяц смотрю ежедневно ваши, так сказать, выступления! Какой день вы показываете одно и то же! Вы чего народ дурачите! До каких пор это безобразие будет продолжаться?..

Тут его монолог прерывает телефон. Звонило какое-то высокое начальство. Видимо, интересовалось, как ему работается в цирке.

– Всё хорошо! Есть! Спасибо! Навожу порядок! Да-да! Так точно! Всё, как положено: на манеже идут манёвры!..

Давно нет на цирковом небосклоне этого директора, но его фраза «На манеже идут манёвры» жива до сей поры...

Волшебная сосулька

Режиссёры, как и обыкновенные люди, – все разные. Есть расхожая хохма-режесёр, чащесёр, простосёр...

Вспомнился один персонаж из моей творческой жизни, с которым свела когда-то судьба. Фамилия его... Впрочем, думаю, не стоит называть его фамилию. Зачем? Это ничего не решит, а человеку может быть неприятно. Он же всё делал от души, творил по степени своей одарённости и таланта, если таковые были, конечно.

Назначили его режиссёром в... Впрочем, тоже не важно, в какой цирк – главное, кому-то пришло в голову его назначить...

Взялся за дело молодой режиссёр рьяно. Нет, не из-за кипучей энергии молодости! Молодым по форме он не был – человек весьма среднего возраста, недавно снявший ту самую форму и пришедший в цирк из вооружённых сил по окончании срока службы. Молодым он был – по содержанию и пребыванию в этой профессии.

Как говаривал великий Суворов-смелость города берёт! В смелости нашему режиссёру отказать было трудно, как и объяснить, что всё, что он делает, вызывает, как бы это помягче выразиться, у зрителей и у артистов большие сомнения в его компетентности и способностях. Главное – верить самому! А наш персонаж верил себе и в себя безоговороч-

но...

Мы попали в этот цирк под Новый год, когда везде готовятся «ёлочные» детские спектакли. Первое, что сделал местный реж, не спрашивая на то разрешения, переименовал нашу готовую ёлку на своё усмотрение и немного её переделал. Как она стала теперь называться, мы увидели на громадной афише, что висела на фасаде цирка, чуть ли не во всю его длину. Там было написано: «Спешите видеть! Волшебная сосулька Деда Мороза».

Наши намёки на двусмысленность названия не имели никакого действия. Режиссёр стоял на своём, намекая, в свою очередь, нам, что мы законченные пошляки. Это мы-то!..

Он любил писать эпиграммы и стихи. Читал их самозабвенно сам и заставлял это делать других на всех торжествах и при любых попадавших под руку случаях. Об этих стихах слагались легенды в прозе и тех же стихах. Он внедрил свои вирши в нашу ёлку, и мы вынуждены были задавать с манежа детям рифмованные загадки имени этого поэта, который часто стоял где-нибудь в боковом проходе цирка и с улыбкой блаженного услаждал собственный слух. Вот некоторые из них.

– Кто кучерявый, как овца, от начала до конца и на ком растут иголки? Отвечайте, дети!.. – Понятное дело, малышня кричала: «Ёлка!» (Мы на послеёлочном капустнике имели другой ответ: грузин. Имелось в виду не содержание – национальность, а форма – повышенная лохматость).

– Если рыбка или птичка захворают с непривычки (о чём, интересно, *речь?* – *Прим. авт.*), если зайчик или медведь, заболев, начнут реветь (Страшно представить себе такого зайчика. – *Прим. авт.*), кто тогда их исцелит? Добрый доктор... – У зрителей, естественно, напрашивался ответ: «Ай-болит!». (В нашем случае, на капустнике, ответ был – огуречный рассол. Ну, если с непривычки...).

– Где под землёю поезда идут туда, идут сюда? Где всё придумано хитро? Зовётся это всё... – Тут и думать нечего: «Метро!».

В одной из сцен Дед Мороз, выходя на манеж со Снегурочкой, интимно сообщал детям о пропаже:

– Проснулись мы это... со Снегурочкой, а моей Волшебной сосульки-то и нет!.. Снегурочка! Ты её не трогала?

– Я не брала... – Снегурочка целомудренно опускала глаза...

– Да-а... – чесал репу Дед Мороз. – Помнится, я вроде и не давал...

Обещалось: тому, кто найдёт похищенную сосульку Деда Мороза, дадут её лизнуть, и тогда в Новом Году исполнятся все заветные мечты. И так всю ёлку! Всё на грани и за гранью! Половину текста мы саботажно выбросили. Играть-то нам...

По окончании этого детского «эротического шоу» нам было что исполнять на пародийном спектакле-капустнике. Его смотрел и наш режиссёр. Он от души хохотал, хлопал в ла-

доши, да так ничего и не понял...

Блажен, кто верует... Вот такой он – цирк! Круглая многогрань...

Иллюзионисты

Третий звонок. Вот-вот начнётся второе отделение программы. В нём выступает Кио. На манеже иллюзионный пол, по которому кто-то неосторожно прошёлся, оставив следы. Кио устраивает всем нагоняй и посылает ассистента со шваброй. Тот шустро трёт, двигаясь спиной к артистическому выходу. В этот момент другие ассистенты, что под манежем, проверяют иллюзионный люк.

Мгновение... и на манеже остаётся только швабра. Был человек и нет его! На глазах изумлённой публики, которая уже сидела на местах и ожидала начала волшебного действия, человек исчез! Никто даже не успел сообразить, как? Хлоп и всё. Зал взревел, вот это да!..

Кио тут же скомандовал:

– Начали!..

...А этот случай произошёл с иллюзионистом Олегом Соколом.

В финале аттракциона он появлялся из «ниоткуда», ему подавали микрофон, и он произносил свой прощальный монолог: «Всё, что мы вам показали – это цирковая фантазия. А настоящие чудеса творит наш Великий Советский Народ!». Аплодисменты, музыка, конец представления!..

Сокол взял нового ассистента на самый ответственный пост – открывать подманежный иллюзионный люк на его

появление и исчезновение. Делать это надо быстро и качественно. Порепетировали – порядок. Вечером в работу...

...Конец аттракциона. Сокола быстро и качественно выталкивают наверх из люка. Расступаются балерины – вот он, Олег Сокол, – во всей своей иллюзионной красе! В самый последний момент с его ноги в люк спадает лакированный туфель. Он стоит на манеже в позе цапли, пряча необутую ногу за ногу обутую, и читает свой финальный монолог: «Всё, что мы вам показали-это цирковая фантазия...». В этот момент открывается люк, появляется рука с лакированной туфлей: «Олег Анатольевич, это ваш!». Сокол, пропуская слова с матом, заканчивает: «А настоящие чудеса творит наш Великий Советский Народ!».

Спартак

Кио-личности легендарные, выдающиеся! Поэтому историй о них много. Вот одна из них.

В Москве в цирке на Цветном бульваре идут телевизионные съёмки очередного «Новогоднего аттракциона». В эстрадно-цирковой программе-одни звёзды! Ведёт представление Игорь Кио. Показывает какой-нибудь фокус – появляется, скажем, Алла Пугачёва или Валерий Леонтьев, поют свои песни. Снова Кио – вновь на манеже очередная звезда.

Следующий эпизод съёмки «Аттракциона» таков: Игорь делает магические пассы – из ящика появляется Спартак Мишулин со своим незабываемым комическим лицом непроходимого тупицы. Актёр он был потрясающий, удавалось ему это бесподобно.

По сценарию он должен поздороваться с Игорем и далее попросить, чтобы из «ниоткуда» появился очередной кто-то. Мишулин – человек в возрасте, видимо, помнит ещё Кио-отца, – здоровается:

– Здравствуй, Эмиль!

У Игоря глаза на лоб от неожиданности – эфир на всю страну! Человек он воспитанный, благородный, но чрезвычайно щепетильный в некоторых вопросах.

– Ну, здравствуй... Динамо!

Тут у Мишулина немая сцена, головой вертит туда-сюда,

мол, не по сценарию! Решает восстановить статус-кво:

– Какой я тебе Динамо! Я – Спартак!

– А какой я тебе Эмиль! Я – Игорь!..

Зал хохочет, рукоплещет – хорошая шутка!

Их снимали крупным планом. Этот эпизод мы обязательно увидели бы на своих экранах – но уж слишком «напряжёнными» оказались их лица в кадре...

Три буквы

Иоланта Ольховикова – потомственная артистка, и какая! Этакая светская львица, красотка, по которой сходили с ума многие представители мужской половины отечественного цирка! До сей поры она привлекает взгляды мужчин и волнует их сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.